

Северный Вазиристан. Миран-шах. Неподалеку от афганской границы...

Мур и его местный контактер Исрар Рана продвинулись примерно на двести девяносто километров к юго-западу в Северный Вазиристан, один из семи районов в пакистанском ФУПР, или федерально управляемых племенных районах, которые лишь номинально контролировались центральным и федеральным правительством Пакистана.

На протяжении веков в отдаленных районах проживали в основном пуштунские племена. В девятнадцатом веке земли были аннексированы англичанами, в течение этого времени британское правление пыталось контролировать людей с помощью Правил о преступлениях на границе (ППГ), которые стали известны как «черные законы» потому что они дали неограниченную власть местной знати до тех пор, пока они выполняли приказы британцев. Народ продолжал то же самое управление, вплоть до образования Исламской Республики Пакистан в 1956-м году.

В 1980-х годах регион стал намного более воинственным с прибытием моджахедов из Афганистана во время советского вторжения.

После «11-го сентября» как Северный, так и Южный Вазиристан приобрели дурную славу тренировочных площадок и безопасных убежищ для террористов, поскольку Талибан и Аль-Каида начали проникать в регион. Местные жители на самом деле приветствовали их, потому что талибан апеллировал к их племенным ценностям и обычаям, напоминая им, что они должны оставаться яростно независимыми и не доверять правительству.

Все это напомнило Муру, что он направляется в самое опасное и нестабильное место, но Рана сказала ему, что поездка стоит риска.

Они собирались встретиться с человеком, который, по словам Раны, мог бы идентифицировать талибов на фотографиях Мура. Этот человек жил в деревне Миран Шах, в которой во время советского вторжения располагался большой лагерь беженцев для перемещенных афганцев, бежавших через границу из Хоста, ближайшей деревни в отдаленном регионе страны. На самом деле, многие дороги, ведущие к Миран-шаху, были часто непроходимы в зимние месяцы, и единственное электричество, доступное его жителям, поступало от нескольких дизельных генераторов.

Сказать, что они въезжают в город, застрявший в темных веках, было бы преуменьшением, но анахроничное свидетельство западного влияния застало Мура врасплох, когда он заметил потрепанные рекламные щиты «Севен-ап» и «Коук», натянутые между парой зданий из сырцового кирпича. Покрытые пылью машины выстроились вдоль улиц, а дети гонялись друг за другом по заваленным мусором переулкам. Мужчина в заляпанной жиром тунике, ведущий на поводке ручную обезьянку, прошел мимо них вместе с полудюжиной других мужчин в длинных хлопчатобумажных рубашках, накинутых поверх брюк и перетянутых на талии длинными поясами. Некоторые из них были с автоматами АК-47 и отошли, чтобы осмотреть разбомбленное здание в районе главного рынка, где целая группа мужчин и женщин все еще разбиралась в обломках.

Где-то неподалеку в открытой яме жарили козу; Мур хорошо знал этот запах.

— Еще один террорист-смертник. — сказал Рана, сидя за рулем и качнув головой в сторону здания. — Они пытались убить одного из здешних племенных вождей, но у них ничего не вышло.

— Они проделали хорошую работу над зданием, не так ли? — сказал Мур.

В конце пути к ним подошли еще два стрелка, военнослужащие пакистанской армии, которые обеспечивали дополнительную безопасность, поскольку Миран-шах все чаще подвергался нападениям со стороны проталибских боевиков, разбивших лагерь на окружающих холмах, без сомнения, в доме того террориста-смертника.

Правительство принимало меры против «талибанизации» этих племенных регионов, предоставляя дополнительный персонал и оборудование, но их усилия имели лишь ограниченный успех. Мур хорошо изучил регион, и у правительственных войск было слишком много возможностей быть подкупленными поддерживаемыми талибаном наркобаронами, и Ходай, если бы он был жив, собирался назвать имена.

Рана сказала охранникам на контрольно-пропускном пункте, что они собираются встретиться с Неком Вазиром, который возглавлял шуру Северного Вазиристана, или исполнительный совет, и был известен тем, что решительно выступал против главарей талибов в этом районе. Охранник вернулся к своему помощнику и проверил планшет, затем вернулся и попросил их удостоверения личности. Мур, конечно, умело подделал документы, которые описывали его как оружейника из Дарра Адам Хель, небольшого городка, полностью посвященного производству боеприпасов.

Поездки в Дарру иностранцам были запрещены, но торговцы из города регулярно перемещались по племенным регионам, осуществляя поставки. Охранник быстро удовлетворился документами Мура, но после того, как их машину обыскали, он поднял руку.

— Почему нет доставки?

— Я здесь не по делу. — Мур усмехнулся.

Охранник пожал плечами, и их пропустили через контрольно-пропускной пункт.

— Откуда ты знаешь Вазира? — спросил Мур.

— Мой дед сражался против Советов вместе с ним. Они оба пришли сюда. Я знаю его всю свою жизнь.

— Они были моджахедами.

— Да, великие борцы за свободу.

— Превосходно.

— Я говорил вам, когда вы нанимали меня, что у меня очень хорошие контакты. — Рана подмигнул.

— Это долгая поездка, и я сказал вам, что мои боссы дают мне только два дня.

— Если кто и знает, кто эти люди, то это Вазир. У него самые хорошие связи в этом регионе. У него сотни наблюдателей, даже некоторые в Исламабаде. Его сеть удивительна.

— Но он живет в этой дыре.

— Не весь год. Но да, эта «свалка», как вы ее называете, обеспечивает достаточное прикрытие и ограниченный контроль со стороны правительства.

Грунтовая дорога лениво повернула направо, и они поднялись в какое-то предгорье, чтобы

добраться до пары кирпичных домов скромных размеров с несколькими палатками, стоящими позади них. Пара спутниковых тарелок была установлена на крыше более крупного сооружения, а из-под палаток доносилось гудение генераторов. Дальше были загоны для коз и коров, а слева, в долине внизу, раскинулись гектары возделанных полей, где местные фермеры выращивали пшеницу, ячмень и персидский клевер под названием шафтал.

На крыше появились два охранника, держа в руках свои АК-47.

«Неплохо. Вазир построил себе защищенную штаб-квартиру здесь, в горах...» — подумал Мур.

У входной двери их встретил старик, чья борода большими белыми волнами ниспадала на грудь. На нем были светло-коричневые одежды и белый тюрбан с жилетом в тон, а в правой руке он сжимал бутылку с водой. От его левой руки почти ничего не осталось, пальцев не было, глубокие рваные шрамы пересекали тыльную сторону ладони и поднимались вверх по руке, к рукаву. Мур проверил еще раз и понял, что у старика не хватает части левого уха.

Он попал под взрыв, все верно, вероятно, минометный обстрел. Ему повезло, что он остался жив.

Вступление было кратким. Псевдоним Мура был Хаттак, имя пуштунского племени, и с его более темными волосами и цветом лица (оба унаследованы от итальянско-испанского происхождения его матери), он мог почти сойти за пакистанца.

«Почти.»

Вазир усмехнулся, когда услышал это имя.

— Это, конечно, не ты. — сказал он по-английски с акцентом. — Ты американец, и это нормально. Это дает мне шанс попрактиковаться в английском.

— В этом нет необходимости. — сказал ему Мур на пушту.

— Позволь мне повеселиться.

Мур поджал губы и кивнул, затем расплылся в улыбке.

«Ты должен был уважать старика.»

Его обветренные голубые глаза, несомненно, смотрели на более глубокие уровни ада. Вазир повел их внутрь.

Мур знал, что только что закончилась полуденная мусульманская молитва «Духр», и Вазир, без сомнения, подаст чай. Они переместились в прохладную тень просторной гостиной с разноцветными подушками, расположенными вокруг персидского ковра с замысловатой детализацией. Были определены три места. Подушки, известные как тошак, и тонкий коверик в центре, дастархан, были частью «церемонии», которая заключалась в ежедневном чаепитии.

В одной из задних комнат что-то готовилось, и сладкий аромат лука и чего-то еще разносился по комнате.

Из заднего зала появился молодой мальчик и был представлен как правнук Вазира. Ему было семь или восемь лет, и он носил специальную чашу и кувшин, которые назывались «хафтава-ва-лаган». Они тщательно вымыли руки. Затем мальчик вернулся с чаем, и Мур сделал большой

глоток из своего, вздыхая от вкуса, который всегда напоминал ему о фисташках.

— Как прошла поездка? — спросил Вазир.

— Без происшествий. — ответил Мур.

— Очень хорошо. У тебя есть фотографии?

Мур полез в небольшую сумку, которую он перекинул через плечо, и достал свой планшетный компьютер. Он включил его и передал Вазире. Старик ловко пролистал разведывательные фотографии, как будто он уже использовал подобное устройство раньше. И Мур спросил его об этом.

— Позволь мне показать тебе кое-что. — сказал он, затем позвал мальчика, который помог ему подняться на ноги.

Он провел их по коридору в заднюю комнату, офис, отчего у Мура отвисла челюсть

У Вазира были компьютеры, два широкоэкранных телевизора и по меньшей мере полдюжины ноутбуков, работающих одновременно. Его электронный командный пункт напоминал мостик звездолета. Замелькали новостные сайты и телевизионные программы, а также экраны, показывающие доски объявлений и сайты социальных сетей. Человек был подключен, все в порядке.

И там, на соседнем столе, было несколько планшетных компьютеров, точно таких же, как у Мура.

— Как вы можете видеть... — сказал Вазир, махнув здоровой рукой через комнату. — ... мне нравятся мои игрушки.

— Я был здесь, я не знаю, два, три года? — Мур удивленно покачал головой. — Почему я не слышал о тебе до сих пор?

— Это был мой выбор.

— Тогда почему сейчас?

— Давай, давай допьем наш чай. — улыбка старика испарилась. — Затем обед. Тогда мы поговорим.

После того, как они вернулись в гостиную и заняли свои места, мальчик принес корму с луком, или тушеное мясо, а также чатни, маринованные огурцы и наан — пресный хлеб, выпекаемый в глиняной печи. Еда была восхитительной, и Мур чувствовал себя сытым к тому времени, как они закончили.

— Что самое трудное, что ты когда-либо делал в своей жизни? — Вазир нарушил тишину вопросом.

Мур взглянул на Рану, язык тела которого говорил: «Это важно».

— Это важно? — со смиренным вздохом Мур повернулся к Вазире и спросил.

— Нет.

— Тогда почему ты спрашиваешь?

— Потому что я старый человек, и я скоро умру, и я верю, что братства формируются в результате жизненных жертв. Я собиратель кошмаров, если хотите. Именно пересказ в прохладное время дня позволяет мужеству и правде расцвести. Итак, во имя братства... что самое трудное, что ты когда-либо делал в своей жизни?

— Не думаю, что я когда-либо сталкивался с этим вопросом раньше.

— Ты боишься сказать мне?

— Я не боюсь, я просто...

— Ты не хочешь смотреть на это. Ты спрятал это подальше.

— Мы все сделали много трудных вещей. — Мур ахнул, и он не был уверен, сможет ли он продолжать смотреть на Вазира.

— Мне нужно самое трудное. Ты хочешь, чтобы я пошел первым?

— Я стремился, чтобы мой отец гордился мной. — Мур кивнул. — Я хотел быть хорошим сыном.

— И насколько это было сложно?

— Я был ранен в начале войны, и с этим отцовский блеск гордости, каждый раз, когда я входил в комнату, угасал под взглядом моего отца. — Вазир поднял свой обрубок. — Его сын теперь был калекой, больше не воином. После этого с ним уже никогда не было того же самого. И для меня не было ничего труднее, чем заставить его гордиться.

— Я уверен, что ты преуспел.

— Тебе нужно спросить моего отца. — старик улыбнулся.

— Он все еще жив?

— Он живет примерно в часе езды отсюда на машине. — Вазир кивнул. — Он, должно быть, самый старый мужчина в деревне.

— Ну, я уверен, что теперь он гордится тобой. Я был не очень хорошим сыном. И к тому времени, когда я понял, каким дураком я был, было слишком поздно. Мой отец умер от рака.

— Мне жаль это слышать. Все, кем мы хотели быть, были хорошими сыновьями, да?

— Это никогда не бывает так просто.

Глаза Мура начали гореть — потому что он знал, что старик снова будет давить на него. Он сделал.

— Самое трудное?

— Мне жаль. — Мур отвел взгляд. — Я не могу заглянуть туда. — старик тихо сидел, потягивая чай, позволяя тишине вернуть комнату, в то время как Мур заставил свои мысли погрузиться в глубокие, темные волны небытия. И затем он поднял глаза. — Я думаю, если я не скажу тебе, ты не сможешь мне.

— Если бы ты сказал мне слишком быстро, я бы тебе не поверил. Я понимаю, что боль настолько велика, что ты не можешь говорить. Я знаю эту боль. И я буду помогать тебе. Я должен помочь тебе.

— Я просто... однажды я принял решение, в котором по сей день не уверен, было ли оно правильным. Каждый раз, когда я думаю об этом, я чувствую, что меня сейчас вырвет.

— Тогда оставь это позади! — глаза Вазира расширились. — Это было одно из моих лучших рагу, которое ты ел! — Мур усмехнулся шутке. — Теперь насчет двух мужчин на фотографии. Я выясню, кто они, но я думаю, что они неважны. Ты должен остановить людей, на которых они работают.

— У вас есть имена?

— Вы видели мой офис. У меня есть нечто большее.

Вазир отвел их обратно к своим компьютерам, где показал Муру фотографии двух мужчин, которых он опознал как муллу Абдула Самада и муллу Омара Рахмани. Самад был младшим из двоих, ему было за сорок, в то время как Рахмани приближалось к шестидесяти.

— Эти парни — лидеры Талибана? Я... я не могу поверить, что не слышал о них.

— Они не хотят, чтобы вы знали, кто они. — Вазир усмехнулся. — Лучший способ объяснить это тем, что есть Талибан внутри Талибана, больше общественных деятелей, с которыми вы знакомы, и специальная группа, которая работает настолько скрытно, насколько это возможно. Рахмани — лидер этой группы здесь. И Самад — его кулак. Это люди, ответственные за убийство твоих друзей, за убийство полковника, который хотел помочь тебе.

Мур бросил настороженный взгляд на Рану, который рассказал старику гораздо больше, чем следовало.

— Мне нужно было рассказать ему, что происходит, чтобы получить его помощь. — Рана пожала плечами.

— Хорошо. — Мур скорчил гримасу. Он посмотрел на Вазира. — Теперь этот человек пропал.

Он передал Вазису фотографию агента Галлахера, с его длинными, серо-металлическими волосами и жидкой бородой. Родители Галлахера эмигрировали из Сирии в Соединенные Штаты, где он родился. Его настоящее имя было Башир Васуф, но он взял псевдоним Бобби Галлахер и юридически сменил имя, когда был подростком. Он рассказал Муру обо всей дискриминации, которой он подвергался в детстве, когда рос в Северной Калифорнии.

— Оставь мне копию этого. — сказал Вазир.

— Спасибо тебе. Ты знаешь что-нибудь о другом человеке? Парень-латиноамериканец?

— Он мексиканец, и они покупают намного больше опиума, чем раньше. Они никогда не были хорошими клиентами, но за последние годы их бизнес увеличился в десять раз, и, как вы обнаружили, армия помогала им перевозить их продукцию через Пакистан и за пределы страны, в Мексику, в Соединенные Штаты...

— Ты знаешь, где эти люди? Я имею в виду прямо сейчас.

— Я так думаю.

— Вазир, я хочу поблагодарить тебя за чай, за тушеное мясо... за все. Я серьезно.

— Я знаю, что ты это делаешь. И когда ты будешь готов говорить, вернись ко мне. Я хочу услышать твою историю. Я старый человек. Я хороший слушатель.

Во время обратной дороги Мур много думал о «своей истории» и о темных водах, в которые он мог бы вступить...

Средняя школа Фэрвью, Боулдер, штат Колорадо (родина Найтс), была тем местом, где Мур познакомился с парнем по имени Уолтер Шмидт на первом курсе. Шмидт был на год старше всех остальных, потому что он провалился в первый раз. Он гордился этим фактом. Он хвастался тем, что прогуливал уроки, ругался с учителями и курил марихуану на территории школы. Он неоднократно пытался вовлечь Мура, и хотя искушение было велико, мысли о побеге от суматохи развода его родителей были невероятно заманчивыми, Мур твердо стоял на своем.

Несмотря на это, Мур сам не был ученым, едва сдавал экзамены и с некоторой завистью наблюдал, как Уолтер становился все более популярным, привлекал девушек, которые действительно занимались с ним сексом, и, казалось, хмурил брови, глядя на Мура, как бы говоря: У тебя тоже могла быть такая жизнь, братан.

Наконец, ближе к концу учебного года оборона Мура ослабла. Он решил посетить вечеринку, устроенную Шмидтом. Он впервые попробовал бы травку, потому что там была бы девушка, которая ему нравилась, и он уже знал, что она курит. Когда он ехал на велосипеде по улице к дому Шмидта, мигающие огни полицейских машин ускорили его шаг, и когда он подъехал ближе, он мельком увидел, как двое полицейских выталкивают Шмидта из дома, как бешеную собаку.

Шмидт боролся с наручниками, ругался и даже плюнул в лицо одному полицейскому.

Мур стоял, затаив дыхание, когда остальные участники вечеринки были арестованы и увезены, включая девушку, которая ему нравилась.

Он покачал головой. Он сам был так близок к тому, чтобы его арестовали. Нет, это была не жизнь. Не его жизнь. Он не собирался тратить его впустую, как эти придурки. Он бы все перевернул. Его отец, ботаник, работавший в «IBM», всегда запугивал его тем, что у него нет направления, нет будущего.

Но в ту ночь Мур принял решение. Он, наконец, прислушается к кому-то еще, кто пытался вдохновлять и ободрять его: к своему школьному учителю физкультуры мистеру Лоенгарду, человеку, который разглядел в нем то, чего никто другой не видел и не обнаружил, человеку, который заставил его осознать, что его жизнь чего-то стоит и что он может внести в этот мир неизмеримый вклад. Он мог откликнуться на призыв и стать совершенно особой породой воинов: морским котиком США.

Отец Мура говорил ему, что флот — это для пьяниц и идиотов. Что ж, он собирался доказать, что старик ошибался. Он держался прямолинейно, окончил среднюю школу, и к концу того лета был в Грейт-Лейкс, штат Иллинойс, в командовании по вербовке персонала военно-морского флота в течение восьми недель базовой подготовки. Муру пришлось дважды пройти «курс доверия», корабельную подготовку, обучение владению оружием, контроль повреждений на борту корабля и памятную «камеру доверия», где ему пришлось назвать свое полное имя и

номер социального страхования, пока таблетка со слезоточивым газом шипела у его ног.

По окончании учебы Мур надел бейсболку ВМС США и был направлен в Военно-морскую правоохранительную академию в Сан-Антонио для прохождения шестинедельного курса ПО/МО (правоохранительные органы/мастер по оружию).

Он нашел это интересным и возбуждающим, потому что ему довелось поиграть с оружием. Пока он был там, его инструкторы отмечали его меткость, и, наконец, после долгих просьб он получил эту желанную рекомендацию. По окончании учебы Мура повысили до матроса (Е-3) и отправили в Коронадо, Калифорния, на родину морских котиков США. Кровь, пот и слезы ожидали его.

<http://tl.rulate.ru/book/107895/4567544>